902.7(Р)
Г-57
25182

ТРУДЫ ОБЩЕСТВА ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ РЯЗАНСКОГО КРАЯ
ВЫПУСК XVII

9(47.38)
Г-57
Инв. 4179

Н. В. ГОВОРОВ.

МАТЕРИАЛЫ

ПО ИСТОРИИ БЫТА РЯЗАНСКОГО КРАЯ.

1. Рюмины.
2. Условие о сдаче крепостного мальчика в ученье цирульнику.
3. Сказание, с коих времен начали носить на шеях платы и чего ради.

РЯЗАНЬ, 1928 г.

Рязгублит. № 12155, 29/IX 1928 г.
Заказ № 96. Тираж 300 экз.
Спасск, Ряз. губ., Гостипография.

ТРУДЫ ОБЩЕСТВА ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ РЯЗАНСКОГО КРАЯ
ВЫПУСК XVII

Н. В. ГОВОРОВ.

МАТЕРИАЛЫ

ПО ИСТОРИИ БЫТА РЯЗАНСКОГО КРАЯ.

1. Рюмины.
2. Условие о сдаче крепостного мальчика в ученье цирульнику.
3. Сказание, с коих времен начали носить на шеях платы и чего ради.

25182

РЯЗАНЬ, 1928 г.

Напечатано согласно постановления Правления Общества.

Ученый Секретарь МАНСУРОВ.

29/IX—28 г.

Рюмины.

(Очерк).

Изучая старый быт нашего города Рязани, постоянно сталкиваешься с одной фамилией, одним родом — родом Рюминых. Всего четыре поколения этого рода прожили в Рязани, а памяти о них осталось немало: лучшие здания в городе принадлежали когда то Рюминым; *) захочется ли отдохнуть в городском саду, (теперь сад профсоюза совторгслужащих), вспоминается, что этот сад некогда подарен одним из Рюминых городу. За городом, наконец, лучшее место для прогулок рязанцев, опять таки, Рюмина роща.

От Рязани рукой подать до столицы Москвы. Не мало знатных, богатых и сильных своею близостью к царям родов жило как в ней, так и в Рязанском крае, **) но ни один представитель такого рода не оставил в Рязани столько вещественных памятников, даров городу, как Рюмины Гаврил Васильевич и его сын Николай Гаврилович. Между тем, первый совсем и незнатен, мещанин по рождению. У нашего уважаемого историка Д. Д. Солодовникова говорится про это: «Умел Г. В. Рюмин в люди выйти и деньги нажить, умел и тратить деньги с умом», ***) и далее говорится, что он много жертвовал на нужды Рязани. Мы, не внося ничего нового в описанные уже факты, не лишним считаем поговорить о них несколько подробнее для того, чтобы сделать некоторые выводы.

Происхождение мещан Рюминых, конечно, теряется в неизвестности, и только Гаврил Васильевич Рюмин первый из них стал славен не только по Рязани, но и далеко за ее пределами. Откуда же эта счастливая перемена в жизни Гаврила Васильевича, на какой почве, так сказать, она возникла, и каковы причины того или другого его «умного» распоряжения своими средствами?—Вот вопрос, который мы постараемся выяснить.

Как нажил деньги Гаврил Васильевич, об этом мы можем иметь представление уже по описанию Д. Д. Солодовникова ****). «Когда то Г. В. Рюмин был бедным рязанским мещанином. Осталось после смерти отца у него кое-какое имущество, да сгорело в пожаре, и он ушел во Владимир искать счастья. Нанялся он там

*) Бывший гимназический пансион—ныне общежитие Совпартшколы, здание б. Консистории, ныне Губархив, бывшая женская Мариинская гимназия, ныне Совшкола.

**) Напр: Гагарины, Толстые, Волконские, Петрово-Соловово и т. д.

***) Д. Д. Солодовников. Переяславль Рязанский Рязань. 1922. Труды Общ. исследователей Ряз. Края. Стр. 115

****) Д. Д. Солодовников. Переяславль Рязанский. Стр. 115.

к винным откупщикам и так приглянулся им своею расторопностью и смекалкой, что они скоро приняли его в долю, а там он уже и сам снял винный откуп и стал ворочать большими капиталами». Было это в конце 18 и начале 19 века, в самом первом времени возникновения винных откупов. Все еще не слажено, не ясно в законодательстве этой отрасли народного хозяйства, золотое время для наживы ловкого человека, а таким и оказался Г. В. Рюмин. Одно только твердо было установлено и центром и местными властями: это всяческое покровительство законным и незаконным распоряжениям откупщика. Громадные цены на водку, вместо законных 3 рублей—8 и даже 10, торговля разбавленной водой водкой, с примесью для крепости табаку, настойки из дурману, а иногда и ядовитых веществ, напр. медной окиси—вот из чего составлялся главный доход откупщика. Но этого мало: монополия торговли водкой на известной определенной территории давала право откупщикам отыскивать, так называемое, «тайное» вино, и на этом откупщики имели немалый барыш: они обыскивали на дорогах, устраивая заставы, заставляли платить и за освобождение от обыска целые обозы, иначе последним приходилось дожидаться неопределенное время. «На обысках нередко водка подбрасывалась обыскиваемым и в пути и на домах. Наконец, как говорит А. Б. Петрищев», бывало и так, что кордон откупщика занимался прямо-таки разбоем на законном основании и под охраной полиции.» *) Так то наживал свое состояние Рюмин и вот он — капиталист, оставивший детям огромное наследство: 12,000 крепостных крестьян и несколько миллионов деньгами. Но при больших доходах, были и не малые расходы у каждого откупщика. Помимо того, что платилось казне, буквально все местное начальство покупалось для того, чтобы безнаказанно проходило все незаконное, что творилось в откупах. Вот что говорит об этом А. Петрищев: «Почему власти мирволили откупщику, догадаться не трудно. Само министерство финансов в конце концов опубликовало, сколько платил ежегодно «некий откупщик» взяток разным чиновникам» **). Полнота этого списка изумительна. В строгой градации по должностям проходят взятки, так что становится ясным старинное выражение: «не по чину берешь» ставшее впоследствии поговоркой.

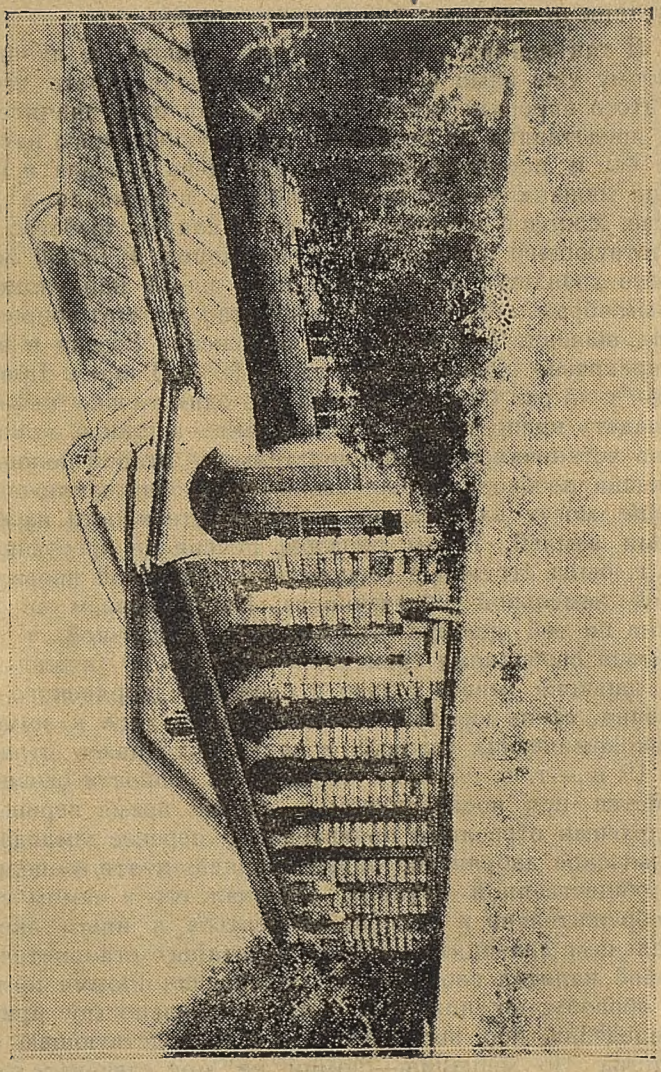
---

*) А. Б Петрищев. Из истории кабаков в России. Природа и Школа Еженедельн. журнал. № 2-ой Стр. 23, 24

**) А. Петрищев. «Из истории кабаков в России». Стр. 25. Вот этот список:

1) По губернскому городу: губернатору 3,000 р., канцелярии губернатора 1.200 р., полицмейстеру 1.200 р., секретарю полиции 300 р., 3 частным приставам 720 р., 6 квартальным 360 р., исправнику 600 р., окружному 500 р.. 3 становым 720 р., непременному заседателю 300 р., секретарю земского суда 300 р., председателю казенной палаты 2.000 р.. советнику питейного отделения 600 р., столоначальнику того же отделения 500 р.. винному приставу 600 р., — Итого 13,000 р.

2) По уездному городу: городничему 420 р., секретарю полиции 200 р., частному приставу 240 р.. 2 квартальным 120 р.. исправнику 420 р., окружному 420 р., 3 становым 240 р., непременному заседателю 240 р., на казенную палату 500 р., винному приставу 420 р.. Итого 3,700 р.



Дом в Рюминой Роще (сгоревший).

Вот из какой повседневной постоянной деятельности создавалась психология откупщика Г. В. Рюмина, вот при каких обстоятельствах у него должно было составиться мнение, что все на свете за деньги можно купить; яснее становится его последующая «щедрость». Конечно, мы могли бы предположить и доброе сердце у Гаврила Васильевича, но мы видим, что таковое как то не вяжется со всей его предшествующей деятельностью «дельного» прикащика, кабатчика и, наконец, винного откупщика.

И так кончим говорить о его доброте, а лучше вернемся к начатому уже нами выяснению целесообразности его действий. А для этого спросим: что в то время, как и в значительно позднейшее, представлял из себя выходец из угнетенного нисшего сословия, хотя бы и приобревший капитал? Деньги—сила и в то время, но звание мещанина—это почти рабское положение в тогдашнем обществе. Молодой капитал знал свою силу и требовал для себя соответствующего применения и положения. В какой же области народного хозяйства мог в тогдашнее время наилучшим и наиболее полным образом быть применен капитал. На этот вопрос мы можем ответить, выяснив экономическое положение России в начале 19 века, что прекрасно сделал уже историк Н. А. Рожков. Приводим его описание *): «А раз было признано, что одни только дворяне имеют право владеть крепостными крестьянами,—а такое признание окончательно установилось в законодательстве второй половины 18 века,—логически необходимо было вывести отсюда заключение, что только дворяне могут владеть на праве собственности населенной крепостными землей. Таким образом, Россия до крестьянской реформы 1861 г. была страной с господством сословной дворянской полусвободной земельной собственности. Мы называем ее полусвободной именно по той причине, что она была сословной, т. е. могла подвергаться свободному гражданскому обороту (купле — продаже, залогу, дарению, мене) только в пределах дворянского сословия. Без сомнения, такие юридические отношения лица к земле вытекали из тех экономических условий, в каких находилась страна в 18 и начале 19 в.,—т. е. главным образом из слабости развития денежного хозяйства при подавляющем в то же время перевесе земледелия над другими отраслями производства: перевес земледелия делал земледельческое дворянство определяющей, почти всецело господствующей общественной группой, замыкал его в самом себе, заставлял пренебрежительно и свысока относиться к иным экономическим и социальным явлениям». Вот из сказанного становится уже ясно, что большой капитал свой Гаврил Васильевич Рюмин не только наилучшим образом, но, пожалуй, и исключительно мог применить только в земледелии, ибо последнее было господствующею отраслью производства. Но мещанин—Рюмин не мог следовательно купить поместье. Потому то он и старается получить хоть какой либо чин на государственной службе и вместе с тем рад всякому случаю пока-

*) Н. А. Рожков. «Экономическое развитие России в первой половине 19 века». Статья из Истории России в 19 веке. Издание Гранат. Москва. 1907 г. Выпуск 2-й стр. 142—143.

зать не только свою благотворительность, но и силу своего капитала. Построена не только усадьба с богатым домом *) и службами, с полотняным заводом **) и большими прудами, достойное жилище нового капиталиста, но и всякие новые постройки в Рязани обращают на себя усиленное его внимание.

На первом плане и по затратам и по значению стоят постройки затрагивающие религиозные интересы горожан и вызывающие благоволение очень сильного ***) в начале 19 века духовенства. Ремонт и перестройка двух соборов, достройка соборной колокольни — вот эти большие жертвы Гаврила Васильевича. И, наконец, говорим словами нашего уважаемого историка Солодовникова ****): «Открывается ли, например, в Рязани гимназия, учреждается ли дом трудолюбия— во всем Гаврил Васильевич участвует, на все деньги жертвует» и, добавляем уже от себя, все это обращает на него милостивое внимание кого следует из начальства, приносит ему или знак отличия, с которым он пишется на портрете, или так или иначе укрепляет его положение.

Вот как, по нашему мнению, должно об'яснить главные мотивы его пожертвований. Здесь необходимо упомянуть, что подсобьем укрепления нового его положения в обществе служили и вновь возникшие родственные связи его семьи с знатными соотечественниками.

Результат «умных» его трат мы видим: умер Гаврил Васильевич потомственным дворянином и статским советником. Его капитал нашел себе применение в обширном земельном владении.

Сын его, Николай Гаврилович и по традиции и по целесообразности продолжал дело отца, т. е. укрепление общественного положения своего рода. И, если жертвы его были не менее отцовских, то этому причиной были некоторые случайные обстоятельства: дело в том, что еще Гаврил Васильевич Рюмин построил для своих сыновей великолепные дома в г. Рязани, но ни один из них не пожелал в них жить постоянно; и, естественно, молодежь, впервые вошедшая в знать, тянулась в центры новой роскошной жизни—столицы. Вот поэтому то самыми удобными, так сказать, дарами для г. Рязани и оказались эти дома.

---

*) Главный дом, о двух одинаково тщательно разработаных фасадах, особенно оригинален. Главную часть его составляла выходившая на оба фасада громадная сквозная зала, имевшая по обе стороны множество симметричных окон-дверей. Со стороны сада во всю длину зала тянулась длинная высочайшая терраса, крыша которой поддерживалась своеобразными четырехугольными колоннами. С обеих сторон этой колоссальной залы на белых колоннах стояли хоры. К зале с обеих сторон крыльями прилегали жилыя комнаты, а за ними внутренний крытый переход вел с одной стороны в отдельный, тоже большой, двухэтажный флигель, обделанный снаружи под русскую избу. Журнал: «Столица и Усадьба» № 81—82-ой 1917 год. Статья Ерёе Стр. 4-ая. Дом этот был в теперешней Рюминой роще.

**) «В отдалении был расположен маленький поселок из серых домиков, в которых хлопотливо работала полотняная фабрика». Из той же статьи Ерёе. Стр. 5-ая.

***) Достаточно вспомнить мистицизм Имп. Александра I-го, окруженного такими деятельными как митрополит Фотий, министр вероисповеданий Голицын

****) Д. Д. Солодовников. «Переславль Рязанский». Стр. 115.

На церковные нужды Николай Гаврилович жертвует уже гораздо меньше отца: если последний перестраивал соборы, то Николай Гаврилович достроил только один, четвертый ярус, у соборной колокольни, да пожертвовал туда же часы. Но за то связь нового дворянина с обществом поддерживалась на широкую руку. Постоянно жил Николай Гаврилович зимою в Москве, а летом в прекрасном подмосковном имении «Кучино», но, наезжая часто в Рязань, устраивал великолепные празднества и гулянья для местной знати. От маленьких серых домиков, где работал его полотняный завод, целые ночи слышно было, как гремели оркестры музыки, видна была роскошная иллюминация и фейерверки.

Вот дарами то этих двух Рюминых и обогатилась Рязань настолько, что чуть не на каждом шагу встречаешь памятники рода Рюминых. Делая из сказанного вывод, полагаю, каждое большое здание Рюминых, отстроенное ими, или пожертвованное г. Рязани, говорит не о доброте и благотворительности винного откупщика и богатого помещика, а прямо указывает каждому на то, как более ста лет назад мещане Рюмины уплатили гордому знатному дворянству за право стать в его ряды и пользоваться его привилегиями, каждое такое здание памятник взятка господствующего дворянского класса, не за исторические заслуги, а за наличные принявшего представителя новой силы—капитала в свое общество.

Если и все сыновья Г. В. Рюмина вошли в это общество, то не всем это общество стало родным. А именно, один из них, Василий Гаврилович, женатый на княжне Шаховской, навсегда уехал в Швейцарию, где мог уже свободнее чувствовать себя на положении «именитого» русского богача. Там он прожил всю свою жизнь в купленной им вилле «Eqlantine», над женевским озером. Видно, живя за границей, он мог дать хорошее образование своему сыну Гаврилу, дар которого следует отметить как непохожий на обычные дары его деда и дяди в Рязани. Если первые отзывались «на все»: и на постройку колокольни, и на нужды гимназии, и на устройство праздников, то Гаврил Рюмин, умерший холостым, поставил себе определенную цель в жизни, завещав все свое состояние, несколько миллионов франков, на устройство в Лозанне университета. И ныне в том университете, на видном месте, стоит бюст Gabriel Rumin.

В память этого же дара одна из главных улиц Лозанны, ведущая к вилле «Edlantine», называется доселе: «avenue Rumine», улица Рюмина.

Описанием этого прекрасного поступка швейцарского Рюмина мы заканчиваем все о дарах Рюминых.

Еще при Николае Гавриловиче Рюмине, усадьба их, Рюмина роща, была в образцовом порядке. Дочь его, Вера Николаевна Рюмина, оставшаяся незамужней, очень хорошо рисовала акварелью. Мною был приобретен рисованый ею вид усадьбы Рюминых, ныне он находится в Рязанском Областном Музее. Повторение этого рисунка, несколько сокращенное, без некоторых фигур на переднем

плане, находилось в собрании Н. Погожева и воспроизведено в красках в № 81—82-м 1917 года журнала «Столица и Усадьба». В этом же номере находится и прекрасное описание всей усадьбы с перечислением рода Рюминых, коим я и пользовался при составлении настоящего очерка. Вера Николаевна Рюмина зарисовала и другую усадьбу своего отца: подмосковную «Кучино»; рисунок этот, воспроизведеный литографским способом, имеет подпись: «Dessinée d'apres nature et sur pierre par Wéra Rumine». Найден он мною недавно и, полагаю, интересен не только как работа Рюминой, но и как изображение усадьбы, имеющей свою историю, коей я здесь не касаюсь.

Расцвет хозяйства Рюминых, повидимому, кончился к концу жизни Николая Гавриловича и вначале хозяйства сына его Федора Николаевича. Недавно мною найден и ныне передан в Рязанский Областной Музей план земельного владения Рюмина Николая Гавриловича с усадьбой, датированный 1831-м годом. По надписи на этом плане видно, что он снят для производства залога владения в земельный банк. Видно, что раздел огромного состояния Гаврила Васильевича, выдача приданого дочерям и, наконец, широкий размах жизни, который, как мы уже говорили, требовался от новых потомственых дворян, довольно скоро пошатнули их капитал.

Но и пошатнувшийся капитал, все же капитал; и Федору Николаевичу, сыну Николая Гавриловича, его хватило на всю его жизнь. А жизнь эта протекала во всяких удовольствиях, к которым постоянно влекла его и среда. Воспитанник пажеского корпуса, а затем царскосельский гусар, по гусарски, с широким размахом жил Федор Николаевич. Если для больших даров уже не хватило бы средств, то всевозможные празднества, гулянья и угощенье знакомых и малознакомых были к услугам местного рязанского дворянства. Последнее в свою очередь отблагодарило Феодора Николаевича, выбрав его своим предводителем. Соответственно духу времени, если в старину преобладали обеды да гулянья, теперь добавляется новое развлечение — домашние спектакли. И вот эти то спектакли, повидимому, захватили, Феодора Николаевича и им он посвятил немало времени: он не только устраивал спектакли, не только играл в них, но и писал для них пьесы.

Мною найдены две печатные пьесы Феодора Николаевича, два водевиля, переделанных с французского: 1) «Тесть любит честь», комедия с куплетами в 1 действии, переделана с французского Ф. Н. Рюминым. Представлена в первый раз в Александринском театре 6-го февраля 1861 года, в бенефис г. Каратыгина С. П. Б. 1862 г. в типографии канцелярии С.-Петербургского обер-полицмейстера и 2) «Громовый отвод»—водевиль в 1 действии, переделанный с французского Ф. Н. Рюминым С. П. Б. 1872 г. В типографии Министерства Внутренних Дел. Интересно отметить место печати этих пьес: очевидно, для автора, имеющего вес в обществе, и столь официальные места не прочь были печатать и нечто от них далеко отстоящее. Кроме того, что может быть в глазах вышеупомянутых учреждений благонамеренее веселенького водевильчика! Ведь это

не какой нибудь «Ревизор», или, того хуже, что либо из обличительной литературы 60-х годов! И почему не оказать покровительство таким изданиям? Пусть хоть бравые гусары и предводители дворянства потрудятся для общества, принося ему столь приятные и безопасные развлечения! Кроме того, увлечение Феодора Николаевича водевилем служит ярким примером вкуса некоторых кругов праздного общества.

Но, как я уже говорил, занятия Феодора Николаевича, повидимому, вышли из границ простой забавы. Здесь любопытно отметить указание на его печатной книжке 1862 года на то, что водевиль его первый раз поставлен был не на какой-либо домашней сцене, а в Александринском театре, да еще в бенефис знаменитого Каратыгина, конечно 2-го Петра Андреевича. Оказывается с Каратыгиным Рюмина соединяла долголетняя дружба. Среди семейных карточек Рюминых мне удалось найти карточку Каратыгина, подаренную им Рюмину 1-го марта 1876 года, т. е. как раз в день празднования 50-ти летнего юбилея Каратыгина с надписью: «Доброму моему другу Ф. Н. Рюмину». Кроме того, среди пьес, принадлежавших Феодору Николаевичу, мне пришлось отыскать сочиненную Каратыгиным комедию: «Маменькин сынок», подаренную Феодору Николаевичу с надписью и любопытными стихами. Привожу всю надпись:

«Доброму моему другу Феодору Николаевичу Рюмину.

Вот Маменькин Сынок — приемыш мой;
Родного детища он мне не заменяет,
Но пусть на этот раз собой —
Вам крестного отца напоминает». Янв. 1879 г.

Берем три даты: 1862 год — в бенефис Каратыгина ставится водевиль Рюмина, 1873 год — подарок Каратыгиным карточки Рюмину на юбилейном празднестве, на котором, очевидно, Рюмин присутствовал, ибо на карточке дата 1 марта — день празднования, и, наконец 1879 год — подарок книги Каратыгиным, сопоставляя эти даты, находим, по крайней мере, 17 лет дружбы.

Сам Каратыгин называет себя «крестным отцем» Феодора Николаевича, очевидно говоря о своем руководстве его литературными занятиями. Что мы можем знать о деятельности самого Каратыгина в этой области? Нам кажется самым удобным привести здесь некоторые места из речи М. И. Семевского на празднования 50-ти летнего юбилея Каратыгина *). Вот они: «Почти с первых лет поступления на сцену, Петр Андреевич стал работать на трудном и в высшей степени неблагодарном поприще — это поприще писателя для русского театра»... Далее: «Петр Андреевич написал до 70 пьес, из которых почти треть оригинальные»... Далее: «мне остается напомнить деятельность его как режиссера и учителя драматического искусства: о первом свидетельствует безчисленное множество спектаклей, им устроенных во всевозможных кружках и семьях петер-

*) Пятидесятилетний юбилей Петра Андреевича Каратыгина. 1823 — 1873 С. П. Б. В типографии А. А. Краевского 1873. Брошюра из № 64 газеты «Голос».

бургского населения»... Из этих сообщений современника Каратыгина мы видим, что может быть, не для одного только Феодора Николаевича Петр Андреевич был «крестным отцем»; устроив «безчисленное множество спектаклей, он вправе был руководить новичком Рюминым. Этой общей работой и поддерживалась около 17 лет их дружба. В настоящий момент, не имея под рукой полного списка трудов Ф. Н. Рюмина, это дело будущих изысканий, все же можем сказать, что, хотя увлечение Феодора Николаевича и было очень сильно, но самый предмет его водевиль, да. еще переделаный с французского, не мог дать что либо серьезное для русской литературы. Еще за французским водевилем и Белинский признает если не художественное, то хотя бы поэтическое значение, похожее на значение виньетки и арабеска в изобразительном искусстве.

«Перевезенный же через балтийский порт, говорит он, французский водевиль подмокал, тяжелел». Легкое остроумие исчезло, веселые комические сценки сменялись тяжеловато-грубоватыми и непонятными в русской обстановке положениями действующих лиц.

Вот почему мне кажется, что увлекающийся ученик Каратыгина работал на пустую потеху светского общества. Но все же, все вышеописанное любопытно для нас постолько, посколько оно отразилось в Рязани и в рязанском обществе. Мне удалось приобресть три снимка Рюминых на сцене. Фотографии эти, в типичных узеньких ореховых круглых рамочках, постоянно висели в рязанской усадьбе Рюминых, а потому с известной долей вероятности и можно отнести их к спектаклям, игранным в Рязани. На них изображены как сам Феодор Николаевич Рюмин, так и его жена Ольга Сергеевна урожденная княжна Голицина. Беспечальное житие, веселые забавы сытых, повидимому кончились уже при Феодоре Николаевиче. Его можно считать последним Рюминым, державшим связь с большим светом. — Исчез капитал — исчезла и эта связь, начатая подарками чуть не дворцов, кончившаяся на забаве общества водевилем. Не указание ли это на то, что водевилем закончится и вся затея старика Рюмина создать новый знатный род?

И действительно мы видим, что последний из рязанских Рюминых, Феодор Феодоровичь, сын Федора Николаевича, женился на крестьянке, окончательно разстроив тем прадедовский план.

Догорели огни праздников; слетела позолоченая мишура с нового дворянского рода; Исчез капитал, исчезло и его общественное значение. Мальчиком я еще помню старый серый деревянный дом в Рюминой роще и развалины служб; чрезвычайно поэтичную в своем одряхлении мельницу на плотине Рюминского пруда, зарисованную нашим рязанским художником Владимиром Павловичем Соколовым, *) Помню и сердитую барыню—крестьянку «Рюминчиху», регулярно посещавшую Введенскую церковь, она то, по воле судьбы, разрушила мечту о знатности своего рода барина—мещанина.

---

*) Альбом ежедневной газеты «Рязанская Жизнь» за 1912 год. При рисунке стихотворение» Л. Днепровича; «Среди развеспстых ракит уныло мельница стоит. Ей грезятся былые дни лишь песни да цветы одни» и т. д.

Условие помещика Исакова о сдаче крепостного его мальчика в ученье цирульнику.

Найденный мною договор представляет черновик условия имеющего быть заключеным, подписей поэтому он не имеет. Написан он, повидимому, рукою помещика Исакова, очевидно, им и составлен. Оказался в старых его бумагах *).

Любопытен он и как определяющий условия обучения, так и описанием работы и знания цирульника. Полагаю теперешний парикмахер онемел бы от удивления, если бы кто либо попросил бы его о том, что 100 лет тому назад составляло обязанность цирульника.

Приводим договор целиком, изменив правописание, и поставив для ясности лишь знаки препинания и заглавные буквы, кои в подлиннике совершенно отсутствуют:

1818 года декабря дня. Я нижеподписавшийся, губернии Рязанской Зарайского уезда селца Петрикова Поручик Василий сын Исаков дал сие условие московскому вечно цеховому фершельного мастерства мастеру Павлу Захарову сыну Лапенкову в том, что отдал я Исаков крепостного своего мальчика Григория Яковлева для обучения цырулнаму мастерству как то: чесать муския и женския волосы, стрычь, делать парики разными фасонами, брить, кровь отворять невольнаю и пиявочною, составлять и ставить клестиры, зубы дергать—а словом всему, что касается до цырульнава мастерства, как он сам умеет также; и грамоте читать и писать; и учить ему Лапинкову моего мальчика с ясным показанием, считая от вышеписанняго числа впрет на три года. За выучку онаго мальчика договорился он Лапенков со мною таким образом: чтоб платить мне Лапенкову по восьмидесяти рублей на гот, деньгиж платить мне всегда вперет за каждые полугода по сороку рублей. Пища же, банное и протомойное от него Лапенкова; а обувь и платья верхние и нижние от меня Исакова надевать без задержания. За поведением же оного мальчика к науке иметь ему Лапенкову старательный над-

*) Как видно из имеющегося у меня сведения, поданного к «елецким предводительским делам» в 1797 году помещиком дворянином Семеном Ивановым сыном Исаковым, значится у него в семействе сын Василий 22 лет служит в Екатеринославском кирасирском полку корнетом. Следовательно, в год написания условия Василию Семеновичу Исакову было 43 года, он был уже опытным в жизни помещиком, писавшим обдуманное подробное условие. Привычка во время военной службы к бритью и вызвала желание иметь собственного крепостного цирюльника.

зор, в противном случае, как и я, должен он оного мальчика и наказывать, толка не увеча. Мальчику у нево быть в послушаиие и должном повиновение. Естли ж оной мальчик не окажетца способным к науке, то должен он Лапенков об'явить мне Исакову попрошествие полугот, а буде окажетца способным, то держать ему все три года. Когда же оной мальчик все три года не окажетца совершенно выученным, то обязан он Лапенков доучивать ево еще беспаты уже от меня Исакова. А когда я усматрю, что мальчик знаит мастерство свое совершенно и пожелаю его прежде срочного времени взять к себе в дом, тогда обязан я, Исаков, заплатить ему Лапенкову показанныя по условию деньги все сполна. Для точности ж по сему исполнения явить сие условие где следует по законам.»

Сказание с коих времен начали носить на шеях платы и чего ради.

В лето АХКГ бысть во французском земле король именем Евспасиан Нумериан, зело славен вомногих королевствах западных Но токмо вельми горд и упивчив, и немилосерд ко всем подданым. своим. И, в некоторое время, сенаторы его. пришедша удавивше вервию его спящего. По нем нача царствовати сын его млад и, егда прииде в возраст, многи королевства одоле и воспомяну, что отец его помре невольною смертию: удавлен бе. И повеле всем подданым своим, особенно знатным вельможам, под смертною казнию, что бы они, в воспоминание отца его, носили на шеях с удавою петли: петли с удавою значит веревку с узлом. И вси тогда носиша двенадцать лет. После того собрася вси и начаша просить царя о своем бесчестии, ежебы повелел им сняти удавы, печали ради и стыда, и, едва умолен бысть, король на милость преклонися и повеле вместо петлей носить на шеях платы в воспоминание отца своего, дабы впредь того не сотворили. И тако разыдеся прелесть сия по иным царствам ежебы на шеях носити платы. В последнем времени то древнее безчестие вменится в честь, не точию между знатных особ, но и в простом народе между православных христиан проникнет тоже, вси бо уклонятся в прелесть временую на пагубу душам своим.

Сказание это взято мною из рукописного сборника, найденного в г. Рязани, у букиниста. Сборник носит заглавие: «О брадобритии и табаке. О картофии. О прельстившемся пере. О молитве Иусове. О крестном знамении. Беседа трех святителей» По почерку и бумаге возможно отнести время его переписи к 60-м годам 19 столетия. А переписан он с древних сказаний каким либо старовером начетчиком. Все эти сказания уже описаны до меня, но сказание о платах я нигде не встречал.

Любопытно это сказание как показатель той страшной розни, какая всегда была между господствующими классами и народом. Вспомним, что народ упорно сохранял свой облик таким, каким он был еще в Московской Руси. Влияние запада, столь изменившее с Петра I-го уклад жизни знатных, народа почти не коснулось. С удивлением, полагаю, глядел крестьянин на парики, камзолы, чулки, галстуки. Галстуки могли возбудить его любопытство еще и потому, что, повидимому, не имели никакого практического значения. «И для чего это баре себе шею уматывают?»—вот вопрос, с которым мог обратиться какой либо крестьянин к лицу по его мне-

нию, сведующему, грамотею, читающему и толкующему священное писание, староверу. И вот этот отвечал, как сумел, да и не только поговорил, но и записал. «Во французской де земле», от дворовых, состоящих при господах, он слышал, что моды приходят из Франции, — «жил король», а вот имени то ни одного французского короля он никогда в св. писании не читал», ну да пусть будет: «Евспасиан Нумериан , так начато сказание. А тут так и просится на язык большой секрет, недавно слышаный от того же дворового, который жил с барином в столице. Секрет этот большой и передан под строгое обещание не болтать: В столице де, говорят, господа убили, задушили императора Павла 1-го. «И вот сказание продолжается: французский король Евспасиан, под этим именем не страшно говорить о Павле, был немилосерд со своими подданными, и вельможи его задушили. Сын его Александр I, «одоле многие народы» в память этого убийства и велел носить на шее платы, которые при Александре I так бросались в глаза. «Носились платы 12 лет». О этот двенадцатый год, так памятный, что нельзя забыть его и в сказании. А всякая перемена пагубна для души, так заканчивает старовер сказание.

Если принять мои предположения то из них следует: 1) сказание возникло в темной староверческой среде 2) почвой для него послужило убийство Павла I-го 3) возникло оно в начале 19 века, о чем говорит и то, что оно находится в одном сборнике со сказанием «о Картофии», а картофель возбудил смущение в народе появившись ранее того.